

содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 9

Мир Токугава. Тело, дарованное Небом и родителями

Глава 1. Власть и общество: верность, порядок и экономия	20
Глава 2. Тело как инструмент служения и носитель церемониальности: не думать о себе, кланяться чаще и глубже	56
Глава 3. Тело одетое и тело нагое: встречать и провожать по одежке	88
Глава 4. Продление жизни: пестование тела	116
Глава 5. Тело иностранца: всё не так	137

Тело в эпоху модернизации: прощай, Азия!

Глава 1. Страна: от высокомерия к комплексам, от неподвижности к движению	154
Глава 2. Тело японца: от кимоно к мундиру, от бритья к бороде	169
Глава 3. Тело японки: отбеливание зубов и кожи	197
Глава 4. Японцы: разоблаченное тело	215
Глава 5. От риса к мясу, стоять, а не сидеть	223
Глава 6. Физкультура и спорт: сила грубая и сила мягкая	241
Глава 7. Больное тело: недуги старые и новые	261
Глава 8. Церемониальное тело: пусть будет как всегда	273

Тело в эпоху тоталитаризма: между желтым и белым, между плотью и духом

Глава 1. Желтая опасность	288
Глава 2. Стать европейцем	303
Глава 3. Остаться японцем	317
Глава 4. Национализация тела	341
Глава 5. Упразднение телесной оболочки: стать японцем	374
ПОСТСКРИПТУМ	403
SUMMARY	413

предисловие

Проблема телесного пользуется достаточно большой популярностью в среде культурологов. Активно обсуждаются такие проблемы, как обнаженное тело, закамуфлированное (одетое) тело, медицинские (этномедицинские) представления, тело как вместилище души, язык тела и многое другое. В последние десятилетия особой популярностью пользуются исследования тела и его атрибутов в рамках гендерных штудий. Все это действительно важнейшие культурные аспекты телесности, но, как мне кажется, проблема этим не исчерпывается.

При ныне принятых подходах к осмыслению тела как феномена культуры это тело странным образом предстает оторванным от исторического процесса. Историки предпочитают говорить о совсем других реалиях, влияющих на причины и динамику событий, — о геополитике, природных условиях, властных, классовых и сословных отношениях, об экономических интересах, о личности тех, кто принимает решения, и т. д. Тело же по-настоящему включено в панораму исторических исследований, пожалуй, только в одном аспекте. Поскольку для поддержания своего существования телу человека требуется определенное количество калорий, то проблемы недоедания и голода (шире — уровня жизни и потребления) признаются важнейшим фактором, генерирующим исторические события (бунты, революции, завоевания, войны, реформы и т. п.).

Мне представляется, однако, что не следует ограничиваться калориями, — настало время включить представления о теле в список факторов, самым непосредственным образом воздействующих на исторический процесс. В конце концов, история — это движение тел, телесных масс. Именно тело является первичным носителем всех антропогенных (культурных) смыслов, и в связи с этим оно не может быть исключено из исторического анализа. История — это следствие телесной жизни и ее продолжение. Простая, но, кажется, не до конца освоенная мысль — без человеческого тела человеческая история была бы попросту невозможна. Без понимания телесного мы обречены на весьма неполное толкование того, что происходило и происходит с человеком как субъектом истории и ее объектом. Иными словами, при написании этой книги я видел свою задачу в том, чтобы осуществить такую «наводку на резкость», в результате которой мы сумели бы разглядеть отдельного человека и его тело, попытаться понять, как оно включено в исторический процесс.

Особенности телесного поведения могут служить как «убыстрению», так и «замедлению» хода истории — если понимать под «историей» приращиваемую информацию, имеющую отношение к социальной сфере. Как это видно на японском примере, строгая и всеобщая предписанность (этикетность и церемониальность) телесного поведения (разумеется, при наличии и соблюдении некоторых других условий), безусловно, может являться «замедлителем» истории и блокировать асоциальное и антигосударственное поведение, а отсутствие такой предписанности способствует эскалации конфликтных ситуаций, генерации событий, то есть «ускорению» истории.

В этом отношении телесное поведение заслуживает большего внимания, чем это наблюдается ныне. Однако ученые, занимающиеся историей Японии, чаще всего игнорируют «телесную» проблематику. Хотя еще первые христианские миссионеры в Японии XVI–XVII вв. в один голос твердили о «церемониальности» поведения японцев, европейская мысль и историческая наука, придававшие абсолютную ценность идеям движения и прогресса, не признали за церемониальностью (шире — телесным фактором) серьезного

научного статуса. Вслед за ними последовали и современные историки. В течение долгого (слишком долгого) времени церемониальность служила свидетельством «косности», признаком «феодалного» стиля жизни, который подвергался суровому осуждению и как таковой, по большому счету, не заслуживал изучения и непредвзятого осмысления с точки зрения его влияния на историю. Историки рассматривали церемониальность лишь как следствие «отсталого» социально-государственного устройства, хотя, как нам представляется, следует говорить о ней и как об активном факторе.

О пренебрежении проблемой этикетности (церемониальности) телесного поведения свидетельствует хотя бы следующее высказывание Томаса Гоббса, которое можно признать за «модельное»:

Под манерами я не имею в виду здесь вежливость поведения или же то, как один человек должен приветствовать другого, или же то, как ковырять в зубах на людях; все это относится к Малой Морали. Я имею в виду те свойства человечества, которые имеют отношение к жизни в Мире и Единстве¹.

Гоббс и подавляющее большинство европейских мыслителей и ученых брезгливо считали этикетность «малым» и несущественным перед лицом тех великих проблем, которые стоят перед человечеством. В их понимании, имеющем своим истоком христианство, тело — это источник греховности и всего лишь временная «оболочка», вместилище вечной души. И. А. Гончаров, побывавший в Японии в 1853–1854 гг. и еще не успевший написать «Обломова», был чрезвычайно раздражен тем, какое огромное внимание уделяли японцы церемонии встречи местных чиновников и русских моряков (порядку рассадки, тому, где располагаться — на полу или на стульях, как входить в залу — в обуви или разутыми и т. п.). «Ну сделайте милость, скажите, что делать с таким народом? А надо говорить о деле. Дай бог терпение! Вот что значит запереться от всех: незаметно в детство впадешь»². «Дело» же заключалось в том, чтобы

1. *Hobbes, Thomas. Leviathan. Harmondsworth, 1968. P. 160.*

2. *Гончаров И. А. Собрание сочинений. Т. 3. М., 1953. С. 39.*

заставить Японию открыть свои порты для европейских пароходов и за счет этого приобщиться к «прогрессу».

В соответствии с этой генеральной линией, когда телесное (включая этикетное) признается предметом «неважным», из всех телесных органов только головной мозг («голова»), продуцирующий «мысль», признается действительно значимым. Складывается (сложилась) парадоксальная ситуация: то, что было чрезвычайно важным для самих носителей культуры, то, чему они посвящали бесчисленные сочинения, объявляется нами фактором третьей-степенной значимости. И все-таки теперь становится ясно, что этикетность (церемониальность) поведения, переживание телесности, «воспитание» и обучение тела являются мощнейшим инструментом социализации, управления и мобилизации.

В этой связи важнейшим и недостаточно отрефлексируемым вопросом является «принадлежность» тела. Обладает ли человек «распорядительными полномочиями» по отношению к собственному телу? Ответ на этот вопрос кажется современному человеку самоочевидным, но это не так. На самом деле тело не принадлежало человеку почти никогда, оно лишь меняло своих «хозяев». В европейской (христианской) культуре тело принадлежит (принадлежало) прежде всего Богу. Могло оно принадлежать и главе семейства, и помещику, и сюзерену, и государству, но вплоть до XX в. главным его референтом оставался все-таки христианский Бог. Именно потому в этих странах (культурах) с таким осуждением относились к самоубийству: тело дал тебе Бог, и только Он может лишить тебя его.

Для Японии версия ответа на вопрос о принадлежности тела состоит в том, что в процессе историко-культурного развития тело могло принадлежать сюзерену, родителям, императору (варианты последнего: государству, родине, народу). При этом степень принадлежности тела соответствующему «владельцу» была существенно выше, чем в Европе. Вопрос о свободе воли и тела в японской культуре и истории попросту не обсуждался. Те же малочисленные «несознательные» личности, которые считали тело своей собственностью, подвергались суровой критике, объявлялись эгоистами, индивидуалистами, отщепенцами. Понимание тела

не как собственности самого человека, а как инструмента служения, переживание слиянности с общественным «организмом» (институтом) может приводить к осознанию малой ценности собственного тела, провоцирует жертвенность (вплоть до добровольной смерти). Такое понимание хорошо видно на всех этапах японской истории и реализуется в конкретных событиях. При таком подходе, однако, возможна и другая телесная поведенческая модель. В мирных условиях, когда тело служит прежде всего родителям (а именно так было в эпоху Токугава, 1603–1867), от него требуется долгожительство, поэтому и относятся к нему чрезвычайно бережно, максимально продлевая его жизнь. Такой вариант тоже был реализован в японской истории.

Определение принадлежности тела имеет важнейшее последствие и в области демографии. Обладание каким-то «богатством» (ресурсом) предполагает усилия по его наращиванию. Во всяком случае, так обычно происходило вплоть до новейшего времени. Когда тело японца принадлежало семье, государство не вмешивалось в репродуктивный процесс и семья сама определяла желаемое количество детей. Когда в конце XIX — первой половине XX в. произошла «национализация» тела, государство стало поощрять рождаемость, что привело к относительно перенаселению и способствовало активизации экспансионистских устремлений Японии.

Телесные навыки закреплены на уровне спинного мозга и плохо поддаются перекодировке с помощью вербальных средств. Общество, ориентированное на этикетное (церемониальное) поведение, является более управляемым. Об этом, в частности, свидетельствует история Японии эпохи Токугава, не содержащая сколько-то крупных социальных конфликтов, о том же свидетельствует и тоталитарный опыт Японии первой половины XX в., опыт, продемонстрировавший намного большую степень управляемости населения по сравнению с нацистской Германией и СССР, где основу социализации составляли преимущественно словесные средства воспитания («пропаганда»). Одной из фундаментальных причин этого являются, по нашему мнению, эффективные методы воспитания тела, применявшиеся в тогдашней Японии.

«Примитивные» народы, которые проводят большую часть своей жизни обнаженными (или же одетыми в теплые «шкуры», не слишком отягощенные дифференцирующими смыслами), не создают «истории» в нашем понимании. Они не пишут «историю» и не склонны оставлять после себя письменных свидетельств. Историю пишут только соответствующим образом одетые люди. Чтобы написать что-то, следует одеться. А потому одежда принадлежит к языку тела, составляет его неотъемлемую часть и также является необходимым атрибутом истории. Одежда придает носящему ее телу огромное количество культурных смыслов. И потому лишь соответствующим образом одетое тело является субъектом истории, и только одетое тело является объектом исторической мысли. Что до тела нагого, то «обнаженные» общества могут быть исследованы по преимуществу этнографами. Историк может попричитать по этому поводу, но он умеет обращаться лишь с телами одетыми (и одновременно пишущими), а потому одежда в качестве «верхнего слоя» тела обязана быть включена в «телесный» анализ и подвергнута сканированию. В «одетом» обществе нагота представляется случаем важным, но особым и частным. Человек, расхаживающий по европейским улицам голым, основную часть человеческой истории признавался сумасшедшим. В традиционной Японии тоже считалось, что в него вселился дух лисицы, то есть он превратился в животное.

Одна из главных социальных оппозиций — свой/чужой — выявляется носителем культуры лишь на основании признания телесной разности. Эта оппозиция играет огромную роль в истории и не может быть проигнорирована при рассмотрении любого рода конфликтов, включая, естественно, и войны. Осмысление оппозиции свой/чужой может проходить по разным линиям, но на массовом уровне тело (включая одежду и «наполнитель» тела — пишу) играет здесь едва ли не главную роль. Разумеется, нельзя отбрасывать политические, психологические, идейные, религиозные и другие культурные отличия (как реальные, так и мнимые) «своих» от «чужих», но чрезвычайно важными следует признать и различия телесные. Это утверждение справедливо и для «примитивных» обществ, и для стран древнего мира, и для средневековья. Справедливо оно

и для эпохи колониализма и распространения «научных» расовых теорий, когда особенности физического строения тела и цвет кожи продолжают считаться в значительной степени эквивалентом «культуры» (цивилизованности) или «варварства». Чудовищным военным и идеологическим противостоянием XX в. свойственна стратегия дегуманизации «другого» по телесному (в том числе и по расовому) признаку, явленная и в словесном, и в визуальном ряду, когда «врагу» и его телу приписываются, в конечном итоге, зооморфные черты¹. Таким образом, тело осмысливается как важнейший показатель в системе распознавания «своего» и «чужого», по отношению к которым применяются совершенно разные стратегии поведения. Нормы обращения с телами «своего» и «чужого» различаются, как известно (и это печальное знание), самым драматическим образом.

Данная работа охватывает период с начала XVII по середину XX в. и имеет целью проследить, как менялись представления японцев о теле (как о своем, так и о чужом), выяснить, кому «принадлежало» тело, какие телесные параметры и органы являлись (казались) важными, какие приемы и методы использовались для воспитания и поддержания тела в соответствующей форме, как менялись представления о красоте. Сведенные воедино, эти параметры оказывали существенное влияние на динамику (статику) исторического и культурного процесса. Те драматические изменения, которые претерпевали тело и отношение к нему, позволяют говорить о «приключениях» японского тела во времени.

Данный период был выбран потому, что именно в это время формируется современная японская культура с ее специфическими характеристиками, в частности и представлениями о теле. Иными словами, именно в это время люди, населявшие Японский архипелаг, превращаются в японцев, становятся ими. Разумеется, это не был процесс, начатый с нуля. В противном случае мы не имели бы оснований говорить о древней истории Японии и японцев. Однако основание сёгуната Токугава (1603) знаменует собой начало эпохи,

1. На советском материале эта стратегия показана, в частности, в нашей работе «Ното Sovieticus: покорение пространства и времени» (см.: Угол зрения. Отечественные востоковеды о своей стране. М., 1992. С. 159–181).

которая по многим своим характеристикам весьма отличается от прошлого периода японской истории и культуры. И хотя это не означает, что прошлое не подвергалось постоянному осмыслению и не находилось в подсознании культуры Токугава, ревизия прошлых установок была чрезвычайно решительной, что позволяет нам предоставить исследование более раннего периода японской телесной культуры другим ученым.

Процесс вызревания национальной культуры и самосознания был достаточно длительным, и его можно подразделить на три основных этапа. С начала XVII по середину XIX в. происходит лишь накопление тех особенностей и характеристик, которые послужат в дальнейшем предпосылкой для формирования «японца» (его образа). Это был своеобразный «разбег». С середины XIX по начало XX в. (то есть в так называемый период Мэйдзи, 1867–1912) идет напряженный поиск ответов на те вызовы, которые были сгенерированы модернизацией по западному образцу. Страна, в начале этого периода находившаяся в состоянии полной растерянности, совершает «прыжок» в неизведанное, который кажется иногда свободным и неконтролируемым «падением». В это время первоначальное желание «стать европейцами», достаточно абсурдное с нынешней точки зрения стремление приобрести их телесные параметры, постепенно сменяется уверенностью, что только создание и сохранение национальной идентичности способно спасти страну и народ от развала и хаоса. После «приземления» в начале XX в. (рубежным событием здесь следует признать японско-русскую войну) идет целенаправленное, энергичное и (само)уверенное строительство «японца», его телу и духу вменяются «уникальные» характеристики.

Разумеется, все эти культурные трансформации, связанные с «приключениями» тела японца, происходили не сами по себе, они не были изолированы от того, что происходило в других областях жизни. Поэтому я старался вести свое изложение так, чтобы мой анализ телесной составляющей мог быть вписан в общеисторический и общекультурный контекст. При этом я не смог избежать определенных переключений со своими предыдущими работами, ибо

мой запас знаний, идей и времени — увы! — ограничен. В сущности, каждый автор всю свою жизнь пишет одну книгу, и придирчивому читателю не остается ничего другого, как смириться с этим.

Не рассчитываю я и на то, что мне удалось исчерпать проблему. Степень ее изученности вообще оставляет желать лучшего, что существенно осложняло решение поставленных в книге задач. Но я рассчитываю (лелею надежду) на то, что эта книга может послужить приглашением к размышлению, в результате которого мы сумеем лучше понять — как японцев, так и самих себя.

Автор выражает искреннюю признательность за советы и помощь в сборе материала А. М. Горбылеву, Ю. Гвоздиковой, И. С. Смирнову, Е. Тутатчиковой.

**Мир Токугава.
Тело, дарованное
небом
и родителями**

Глава 1. Власть и общество: верность, порядок и экономия

Представления о теле формируются, существуют и обладают активной воздействующей силой в конкретных исторических и культурных условиях. Поэтому чтобы наши рассуждения не «провисали» в историческом вакууме, следует по необходимости кратко рассказать о тех государственных, общественных и интеллектуальных обстоятельствах, среди которых приходилось жить японцу и его телу в эпоху Токугава.

В 15-й день 9-й луны (21 октября) 1600 г. семидесятитысячное войско коалиции княжеств Восточной Японии под водительством *даймё* (князя) Токугавы Иэясу (1542–1616) одержало решающую победу над восьмидесятитысячной армией княжеств Западной Японии в битве при Сэкигахара (провинция Мино, совр. преф. Гифу). В самом скором времени после этой победы Иэясу удалось объединить Японию, которую последние десятилетия сотрясали кровопролитные междоусобные войны. В 1603 г. Токугава Иэясу получил указ императора Гоёдзэй (1586–1611) о назначении его военным правителем — сёгуном. Полное название должности звучало как «великий сёгун, покоритель восточных варваров». Эта должность имела древнее происхождение, еще в VIII в. на нее назначались военачальники, выступавшие походом на «восток» (на самом деле северо-восток) острова Хонсю против племен *эдзо* (или *эмиси*) — предков айнов. В древности должность сёгуна была временной,

Путешествие знатного самурая

им сохранять достаточно большую самостоятельность и чувство достоинства.

Самостоятельности княжеств способствовало и слабое развитие коммуникаций в стране. Панически опасаясь заговоров и мятежей, сёгунат не разрешал их принципиального улучшения (ширина главного тракта Токайдо, соединявшего Эдо, Осаку и Киото, составляла около пяти метров), на строительство новых дорог и мостов накладывались серьезные ограничения, в стране существовала сеть застав для проверки документов (без них путешествие было невозможно), колесный транспорт был запрещен. В то же время в 53 пунктах тракта Токайдо содержались постоянные дворы для путешественников, служба пеших гонцов с письмами и бандеролями преодолевала расстояние между Эдо и Киото за 2–6 дней. Для того чтобы пешая процессия, сопровождающая даймё (его самого несли в паланкине), преодолела то же самое расстояние, требовалось около 20 дней. Таким образом, внезапность передислокации воинских соединений была исключена.

Отношения сёгуната и императорского двора в Киото отличались двойственностью. С одной стороны, двор полностью контролировался сёгунской властью. Император постоянно находился «под дворцовым арестом» — ему запрещалось покидать пределы

постскрипtum

Работа над этой книгой поставила перед автором множество проблем — как исследовательских, так и экзистенциальных. Возможно, самая главная из них заключается в следующем «наивном», но мало отрефлексированном вопросе: а кому, собственно говоря, принадлежит (должно принадлежать) человеческое тело? Рассмотренные события и источники подталкивают к мысли, что в зависимости от господствующего мнения о принадлежности тела строилась и направляющая стратегия коллектива (семьи, клана, дружины, княжества, государства), и поведенческая стратегия самого индивида (если такого человека можно назвать «индивидом» в современном понимании этого термина). Определение принадлежности тела в значительной степени формировало и более общий культурно-исторический фон. Оно определяло и те способы, с помощью которых происходило управление обществом, его составляющими, всем государством.

В рассмотренный период тело никогда не принадлежало самому человеку. Самурайский кодекс воинской чести (в особенности во времена междоусобных войн) предполагал, что тело воина принадлежит сюзерену, и по его первому требованию вассал должен расстаться со своим телом, принести его в жертву. При такой установке забота о собственном теле и продлении его существования не является первоочередной задачей и не имеет никакого значения, в каком

Тоталитарное государство полностью «национализирует» тело и лишает его самостоятельности. Оно активно и даже назойливо выстраивает глобальную систему здравоохранения (физкультура и спорт идейно также входят в эту систему), рассчитанную прежде всего на размножение, «производство» молодых людей и девушек репродуктивного и трудоспособного возраста. При этом государство фактически не ставит перед собой целей по увеличению продолжительности индивидуальной жизни, которая, несмотря на внедрение «передовой» западной медицины, в первой половине XX в. почти не изменилась и стала существенно расти только во второй половине прошлого века вместе с ростом индивидуалистических ценностей. Вместо продления личной жизни ставится задача по обеспечению вечной жизни тела государственного — задача, решаемая посредством его безграничного роста, достигаемого с помощью размножения и внешней экспансии.

Тоталитарное государство позиционировало себя как одну большую семью. Во главе ее стоял император, именовавший себя «отцом и матерью» в одном лице. Он был жизнедавцем, без которого невозможно бытие любого другого японца. Этот император именовал своих подданных «младенцами». В обычной «человеческой» японской семье отец тоже пользовался непререкаемым авторитетом и распоряжался телами своих домочадцев, но его дети мужского пола (в особенности это касается старшего сына) со временем тоже становились главами семей. Таким образом, японская семья обеспечивала определенные возможности для «возрастной вертикальной мобильности» (по крайней мере, для мужской ее части). Что касается «семейной» (псевдосемейной) схемы, предлагаемой тоталитарным государством, то она такой вертикальной мобильности лишена, и «младенец» до самой своей смерти остается им, то есть существом зависимым, лишенным самостоятельности и, в сущности, неполноценным. Такой конструкт давал «законные» права государству, персонифицированному в фигуре императора, распоряжаться телами своих подданных — как при жизни, так и после смерти.

По злой иронии культуры европейцы тоже зачастую рассматривали японцев как подростков, остановившихся в своем развитии.

Поскольку себя европейцы, естественно, позиционировали как «взрослых», они тоже считали, что к японцам невозможно относиться как к равным — для взрослого человека они выступали как объект поучений. Но если «сыновняя» роль по отношению к императору воспринималась японцами как нечто должное, то предписываемая им роль подростка по отношению к «взрослому» европейцу вызывала негодование. В самом разгаре войны в недрах штаба генерала Макартура появился документ, призванный служить руководством для ведения пропаганды. В нем, в частности, утверждалось: «Пирл-Харбора не случилось бы, если бы японцы были на три инча выше ростом». Далее утверждалось, что «будучи маленькими людьми, японцы мечтали о мощи и славе»¹. Таким образом, в американской армии полагали, что японцы обладают врожденным комплексом неполноценности, который и привел к агрессии. Но в этом документе не было ни слова о том, что на самом деле этот комплекс был навязан Японии Западом, причем ведущая роль в этом принадлежала США.

В рассматриваемый период мы все время имеем дело с телом «общественным», а не личным. В связи с этим и все проявления телесного следует рассматривать именно в этом ключе. Поэтому тело обнаженное («персональное») объективируется культурой в дозированной степени. Прежде всего потому, что обнаженное тело не обладает общественным статусом, не указывает на то, какое положение занимает человек в социуме. В связи с этим в японской культуре такое огромное внимание уделяется одежде (телу одетому) — как социальному маркеру. Важно при этом помнить, что нетерпимость по отношению к обнаженному (сексуальному) телу возрастает с течением времени. И если в период Токугава мы наблюдаем спокойное и уравновешенное отношение к обнаженному телу, то во времена тоталитаризма оно оказывается под реальным запретом. И здесь дело не только в критике со стороны европейцев (христиан), но и в том, что тоталитарная культура «отменяла» все материальное, включая и персональное тело с его «эгоистическими» потребностями и проявлениями.

1. Dower, John W. War Without Mercy. Race and Power in the Pacific War. P. 142–143.

С началом западного влияния и развитием комплекса национальной (включая телесную) неполноценности во второй половине XIX в. происходит постепенный переход на европейское платье, которое, однако, продолжает играть ту же самую «общественную» роль. Но теперь одежда выступает не только в качестве внутрияпонского социального (мировоззренческого) маркера, но и в качестве показателя, призванного уравнивать тело японца и европейца, то есть обеспечить мимикрию японца, «подгонку» его тела под западный стандарт. Этой же цели по преодолению комплекса телесной неполноценности служили и другие меры: изменение пищевой диеты, реформа телесного поведения, развитие физкультурно-спортивного движения. Иными словами, перед японским телом ставилась не задача по выявлению различий между японцем и не-японцем, а ликвидация этой разницы. В результате, однако, выяснилось, что эта задача недостижима — как по объективным причинам, так и в силу европоцентризма (расизма) той части света, которой желали подражать японцы. Невозможность отменить те расовые признаки (прежде всего цвет кожи), на которые столь упорно указывали европейцы, привела к эстетическим (временами — истерическим) поискам, воспеванию желтой кожи, выработке японского идеала красоты — главным образом женской.

Заимствуя модели западного телесного поведения и жертвуя многими своими обычностями, японцы, однако, не смогли отказаться от главного — поведенческой церемониальности, которая обеспечивала дифференциацию (в своей основе конфуцианскую) общества по параметру статусности, гендерным и возрастным признакам. Именно верность церемониальности обеспечивала общественный порядок, иерархию и, в конечном итоге, управляемость государственным организмом. В этом внутрияпонском отношении поставленные цели оказались достигнуты, «внутренних врагов» и «подрывных элементов» в стране практически не находилось.

В то же время ни по каким другим «материальным» параметрам (физическая сила, рост, уровень, качество и продолжительность жизни, развитость промышленности, сельского хозяйства и науки) равенство с Западом обеспечено не было. И хотя по этим направ-

лениям были достигнуты определенные успехи, длительность процесса выводила японский дух из себя. В связи с этим основной дискурс тоталитарной эпохи состоял в отмене «низкой» телесной материи и «подъеме» духовности. Как это ни парадоксально, условием бытия такой духовности выступает размножение, увеличение количества молодых тел, которые и образуют «тело нации». В связи с этим государство приступило к проведению активной демографической политики, нацеленной на увеличение рождаемости. При приоритете количественных критериев забота о «качестве» тела японца оставалась на втором плане.

Из всех телесных параметров в тоталитарной Японии лишь цвет кожи по-настоящему продолжал сохранять актуальность. Японцы практически никогда не определяли свой цвет кожи как «желтый», но европейцы по-прежнему оставались «белыми». В данном случае это определение имело (приобрело) сугубо отрицательный смысл, сочетавшийся с такими «оскорбительными» характеристиками, как индивидуализм, стяжательство и отсутствие морали. Поразительным образом белый цвет перерастал в свою противоположность, трансформируясь в черный, — сияние, исходящее от японцев, должно было разогнать эту тьму.

Японцы воевали за освобождение народов Азии. На рисунках японских художников они представляли как люди с цветом кожи намного более темным, чем у самих японцев. Сами же японские солдаты отказывались признавать свою относительную природную темнокожесть и обычно заявляли, что загорели на солнце. В то же время можно встретить определение японцев как обладающих «красным сердцем», что являлось традиционным обозначением верности и честности¹. Цвет, таким образом, «загонялся» под кожу — туда, где увидеть его не представлялось возможным.

«Отрицание белого», которое можно видеть еще в эстетских произведениях Танидзакэ Дзюньитиро, было воспринято и военной пропагандой. Синтоистская церемония очищения (*мисоги*) всегда воспринималась как «приближение к белому», но теперь ненависть

1. Dower, John W. War Without Mercy. Race and Power in the Pacific War. P. 210, 211.

к нему достигла такого накала, что популярный журнал говорил в 1942 г., что это — ошибочное восприятие, а на самом деле цвет мисоги — красноватый, окрашенный кровью жизни². Японцы того времени воспринимали войну как очистительное средство. Война была призвана очистить Азию от колониализма, она должна была очистить и самих японцев.

Отлет духа от тела привел к игнорированию материальной стороны жизни и военным авантюрам. А это, в свою очередь, привело к бесчисленным жертвам (как среди самих японцев, так и среди их противников), то есть уже не к мыслительному, а к реальному «элиминированию» миллионов тел. Развязывание серии войн против Китая, Англии и США (и их союзников) имело в значительной степени не только (а может быть, и не столько) геополитическую подоплеку, которая представляется чрезвычайно шаткой (ввиду недостижимости поставленных целей, в чем отдавали себе отчет многие представители элиты), сколько желание изжить телесный комплекс неполноценности по отношению к западному человеку. Не сумев достичь с ним телесного равенства и будучи открыто дискриминируем (главным образом по цвету кожи, но и не только), японец того времени в значительной степени отказывается от телесного параметра сравнения и предпочитает говорить о «непревзойденном» японском духе, одним из главных параметров которого является готовность к смерти, то есть к уничтожению (самоуничтожению) своего тела ради более «высоких» целей, переход в тот мир, где тела и телесности больше не существует. Общеизвестным в мире символом этой войны стали камикадзе, но не будем забывать, что главным внутренним лозунгом последнего года войны стал призыв: «сто миллионов японцев — станем камикадзе» (*итиоку токко*). Из сегодняшнего дня самоубийства камикадзе кажутся актом не только «героизма», но и отчаяния перед невозможностью победы и в конечном итоге невозможностью достижения равенства с Западом. Поставив сначала цель достичь материально-телесного паритета с Западом, мэйдзийская Япония превратилась в конце

2. Ibid. P. 212.

концов в Японию тоталитарную, которая содрала с души телесную оболочку, выдавая получившееся за «настоящего» японца.

Только в нынешнее время, «начавшееся» после окончания Второй мировой войны, когда индивидуалистическо-потребительские ценности в их американизированном варианте получают все более широкое распространение, получает всеобщее признание и мнение, что тело принадлежит самому индивиду. Конечно, степень лояльности японского работника по отношению к своей фирме существенно выше, чем в странах Запада, освобождение от сверхурочных часов зачастую переживается как мера недоверия, но все-таки никто не требует жертвовать своей жизнью ради фирмы, с которой у работника складываются клиентские отношения, когда он обменивает свои усилия на материальное вознаграждение. В случае с «патернализированным» или же «национализированным» телом такого вознаграждения не предусматривается. Человек не принадлежит фирме с рождения и после выхода на пенсию. К тому же система «пожизненного» (на самом деле «допенсионного») найма, почти повсеместно практиковавшаяся в Японии до 90-х гг. XX в., в последнее время подвергается значительной эрозии.

Идея личной принадлежности тела («приватизированное тело») доводится в нынешнее время до крайней и даже абсурдной точки, и теперь получает широчайшее распространение мнение о том, что человек волен поступать с телом по своему хотению и без всякой оглядки на других: потакать телу, ублажать его, доставлять ему удовольствие, лишать жизни (потому что так «хочется» — весьма частый в нынешней Японии случай «самоубийства от скуки»), украшать тело и уродовать его (что до определенной степени является синонимами) — татуировать, делать пирсинг, пластические операции, наносить шрамы, менять цвет волос, половую принадлежность и т. д. Данные проявления, свойственные перешедшему в частную собственность телу, характерны, безусловно, не только для Японии, они широко распространены и в той части света, которая столь эмоционально продвигает идеи усиленного потребления и его «глобализации».

В условиях «автономного» существования тела забота о теле «другого» воспринимается как обуза и помеха для бытия собственного

тела, о чем, в частности, свидетельствуют и рост количества домов для престарелых, и драматическое падение рождаемости среди населения наиболее богатых и больше всего потребляющих (производящих) стран. В нынешней Японии показатель рождаемости составляет приблизительно 1,3 ребенка на одну женщину (один из самых низких показателей в мире). В силу своей малочисленности дети окружаются такой теплой (тепличной) заботой и такой плотной опекой, которая может быть сравнима лишь с заботой о стариках в традиционной Японии. Только естественно, что эта опека «не по возрасту» сопровождается утратой самостоятельности и витальности. Так, физические кондиции японских детей и подростков падают год от года, о чем говорят ежегодные обследования, проводимые Министерством просвещения. Японские дети получают все больше «фирменных» калорий от «Макдоналдса» и «Кока-колы», они становятся полнее и выше ростом, болезненнее, ведут все более инертный образ жизни.

Драматическое падение рождаемости произошло за короткое по историческим меркам время и явилось следствием решительной смены ориентиров — с количества на качество. Оно произошло одновременно с таким же драматическим и стремительным повышением уровня жизни, и японцы не успели (не сумели) выработать механизмы психологической самозащиты от достатка, которого они по большому счету были лишены на протяжении большей части своей истории.

При этом брачный возраст имеет тенденцию к увеличению — в первоочередной расчет принимается вовсе не самый благоприятный возраст для производства здорового (не отягощенного генетическими ошибками) потомства, а потребительские нужды своего собственного тела, которому следует обеспечить наиболее благоприятные условия не для размножения, а для потребления. Генеральной линией поведения при таких ценностях является не размножение, а максимальное продление собственной телесной жизни, обеспечиваемое материальным достатком, а также заботой врачей и фармацевтов, число которых все время растет и которые являются системообразующим фактором современного

строю жизни. Поскольку в условиях демократии многочисленные старики, число которых все время растет, являются выборщиками, государство вынуждено включать здравоохранение в список своих самых приоритетных задач и тратиться на него все больше. Во времена Токугава, как мы помним, обществом также ставилась задача (вменялась обязанность) продления жизни здорового тела, но с целью обеспечения возможности заботиться о других.

Средняя продолжительность жизни в сегодняшней Японии является самой высокой в мире. Но нынешние долгожители родились восемьдесят лет назад, а что произойдет с нынешним молодым поколением, не знает никто. Все меньшее число молодых людей должны кормить все большее количество стариков. Задача ставится вполне конфуцианская, но нынешние молодые японцы не являются конфуцианцами. Справятся ли они с этой задачей? И не приведет ли нынешняя демографическая ситуация к социальным конфликтам, окрашенным в возрастные тона?

Маятник качается. Достигнув крайней точки, он идет на попятную. Золотая середина является идеалом, но он вряд ли достижим. Однако от этого он не перестает быть идеалом. Рискну предположить, что ввиду начавшейся депопуляции страны маятник через какое-то время качнется в обратную сторону и, в отличие от сегодняшнего дня, когда самым устойчивым бизнесом в Японии является похоронный, родильные дома вновь станут более посещаемым местом.

Summary

The book by the famous historian Alexander Meshcheryakov examines the body culture of the Japanese from the Tokugawa period (1603-1867) to the present day. During this time, the body changed its “owner” several times: at the beginning, its “owner” was the father of the family or the overlord; after the Meiji Revolution and until the end of World War II, it was owned by the state; in the post-war period, the body began to belong to the person himself. These changes were accompanied by numerous transformations in the structure of society and the state. Ideas about life and death, decency and etiquette, lifestyle, food diet, clothing, fashion for skin color, etc. were subjected to a decisive revision.

Научное издание

Мещеряков Александр Николаевич

СТАТЬ ЯПОНЦЕМ.
ТОПОГРАФИЯ ТЕЛА
И ЕГО ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Дизайн: С. Н. Андриевич

Верстка: Л. Г. Иванова

Корректор Т. Г. Шаманова

ООО «Лингвистика»
Николаямская ул., д. 4, Москва,
Россия, 109240
тел. (905) 717-05-20

Технологическое сопровождение
и допечатная подготовка
ООО «Бослен»
<http://www.boslen.ru>;
e-mail: info@boslen.ru

Подписано в печать 01.03.2024.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 26.
Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в соответствии
с качеством предоставленного
оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
ул. Тургенева, д. 13, г. Екатеринбург,
Россия, 620990
<http://www.uralprint.ru>
e-mail: book@uralprint.ru